

Письма в редакцию журнала «Логос»

Уважаемые коллеги,

Статья А. Бикбова и С. Гавриленко «Российская социология: автономия под вопросом» мне представляется интересной и нужной. У нас редко дискуссии о состоянии социальных наук, о полученном наследии и перспективах развития, а статья дает прекрасный повод для такой дискуссии. Надеюсь, дискуссия состоится, и участие в ней примут представители разных дисциплин, поскольку затронутые проблемы касаются многих. Молодые социологи недовольны положением в своей науке. Мне лично это понятно (сам был таким), да и вообще нормально, если молодежь недовольна и «вызывает на бой» старшее поколение — хотя это сегодня встречается не часто. Некоторые представители старшего поколения социологов вызов, похоже, приняли. Во всяком случае, насколько мне известно, А. Бикбов потерял работу в Институте социологии РАН вскоре после публикации первой части статьи. Не хочется, конечно, прямо связывать эти два события между собой, но нехорошие подозрения напрашиваются поневоле.

Однако я взялся за перо не для того, чтобы защищать «молодых турков», а скорее чтобы поспорить с ними или, точнее, поделиться с читателями «Логоса» размышлениями о некоторых особенностях их аргументации. Авторы очевидно выступают последователями Пьера Бурдьё. Опять-таки хорошо, что работы этого выдающегося социолога в России читаются и используются, однако есть нечто амбивалентное в том, чтобы быть молодым бурдьёвистом сегодня. Ведь Бурдьё сформулировал и применил свой подход к анализу социальных феноменов в конце 60-х годов, а его основные теоретические труды вышли в конце 70-х. За истекшие 20–30 лет пафос многих утверждений Бурдьё, как мне кажется, несколько выветрился. Бурдьё был в высшей степени человеком своего времени. Когда сегодня молодые социологи строят свою аргументацию, исходя из тех же очевидностей, что и Бурдьё, иногда кажется, что они могли бы продемонстрировать большую чуткость к духу нашего времени.

Очевидностью, которую я имею в виду, является идея автономии научного поля. Аргументация А. Бикбова и С. Гавриленко в центральном пункте отсылает к этой идее: советская социология была плоха тем, что считала своим долгом решать проблемы не социологические, а социальные. Разница состоит в том, что социологические проблемы диктуются логикой социологии как науки, а социальные проблемы диктуются непосредственно обществом. Но кто от имени общества решает, чем заниматься социологам? В СССР все было понятно: социальный заказ делался партией и правительством, и социология никакой автономии не имела. Менялась политика партии — менялся

и заказ. Но во всех случаях заказ формулировался в рамках политического здравого смысла, а отнюдь не на основе научной теории. Анализируя концепции ведущих позднесоветских социологов — академиков Заславской и Осипова, — авторы показывают, что проблематика и выводы их исследований целиком подсказаны политическим здравым смыслом (если не политическими предрассудками), поскольку академики просто не умели мыслить социологически. И в постсоветской социологии, по словам авторов, дела обстоят не лучше, — она теоретически исключительно бедна, и связано это с недостаточной автономией социологического поля. Социальный заказ живет и побеждает.

Не будучи социологом, не берусь судить, правы ли авторы (мне их рассуждения показались убедительными, но хотелось бы услышать мнение специалистов). Но меня смущает имплицитное предположение, согласно которому автономия науки является автоматическим условием ее расцвета. То, что автономия способствует теоретической изоциренности науки, несомненно, но всегда ли это хорошо, вопрос.

Идея автономии научного поля — одна из любимых идей Бурдьё. Не забудем, что взгляды Бурдьё формировались в значительной мере по противопоставлению марксизму. Последний, в частности, тяготел к установлению слишком непосредственной зависимости «научного производства» от социальных условий, в которых работали ученые, и их политических взглядов. Идея автономного поля (любого, но в том числе и научного) служила прежде всего тому, чтобы сконцентрировать внимание на его собственных внутренних механизмах, через которые преломлялись — и порой искажались — импульсы «большого мира». В том, что касается социологии науки, такой подход был одновременно и осторожным, и радикальным. Осторожность заключалась в методологическом шаге, обеспечивавшем изгнание грубых детерминизмов и создававшим теоретическую рамку для эмпирических исследований научного поля. Радикальность заключалась в том, что такие исследования, по видимости соответствовавшие духу научного исследования, благодаря реалистичности создаваемой ими картины подрывали идею «чистой науки» гораздо убедительнее, чем марксистское разоблачение ее классовой природы.

Такой баланс сциентизма и скептицизма был характерен для интеллектуального климата 60–70-х гг., в том числе и для творчества Бурдьё. Иконоборческие мотивы — сильнейшая притягательная сторона социологии знания вообще и социологии Бурдьё в частности, однако они не должны заслонять других мотивов. Дело даже не столько в том, что в позиции Бурдьё было немало продуманного позиционирования себя на интеллектуальном поле. Дело в том, что принцип автономии науки — это не только методологический, но также и онтологический и даже ценностный принцип. Он не только создает рамку для изучения механизмов научного поля, но и навязывает как некоторую очевидность существование, более того, оправданность его автономии. В этом смысле Бурдьё принадлежал к академическому *mainstream*’у и, безусловно, являлся носителем его специфических ценностей и идеологии — при всех попытках взять дистанцию по отношению к ним.

Итак, Бурдьё был в равной мере иконоборцем и ортодоксом, причем не только в том смысле, что он создал и отстаивал свою ортодоксию. Симпа-

тична ли эта его сторона? И, главное, какие ограничения на наше мышление налагает эта ортодоксия?

Идея автономии науки как ценностная идея в контексте 60–70-х гг. читалась предельно недвусмысленно: ее означавшим было процветание интеллектуалов в государстве всеобщего благоденствия, противопоставленное зависимости интеллектуала, вовлеченного в коммунистический активизм (опыт, пережитый множеством с возрастом отошедших от марксизма французских интеллектуалов поколения Бурдьё или чуть старше). Идея культуры (или науки) как высшей ценности выражала высокое самосознание интеллигенции в мире, в котором ей жилось так хорошо, как никому, никогда и нигде не жилось раньше. Я не буду вдаваться в детали, они достаточно известны.

Сегодня парадиз интеллектуалов, увы, остался в прошлом. Как раз тогда, когда российская интеллигенция настроилась вкусить демократического хлеба, пайки стали уменьшаться. Социальные науки не только у нас, но и на родине Бурдьё пребывают в кризисе, как интеллектуальном (новых Бурдьё не появилось), так и социальном (мало новых рабочих мест, полезность социологии для общества под вопросом). Если во времена Бурдьё социология переживала период бурного роста и институционализации, поскольку от нее ожидалась помощь в социальном планировании и построении эффективного общества, то после двух-трех десятилетий экономического спада иллюзии рассеялись и спрос на социальные теории сократился. Ответом на кризис стали геттоизация социальных наук и их замыкание в изотерическом дискурсе. В этих условиях победная песнь интеллигенции 60-х гг. о самоценности культуры жалобно дотягивается сегодня преимущественно бывшими коммунистами, сохранившими подозрительное отношение к идеям утилитаризма.

Итак, актуален ли Бурдьё сегодня? По-прежнему ли на повестке дня идея автономии науки? Может быть, социальным наукам сегодня важнее думать не об автономии, но о новом «общественном договоре», который определил бы их новое место в обществе? Но, с другой стороны, может ли наука существовать без некоторой автономии? И, если автономии у науки нет, есть ли кому договариваться с обществом? Может быть, о новом общественном договоре уместно думать тогда и там, когда и где социальные науки уже достигли определенной степени изоэдренности, к которой могла привести только автономия?

Думаю, что сбалансированный ответ мог бы быть таким: вообще социологии следует сегодня прежде всего думать, как преодолеть опасность слишком большой автономии, переходящей в геттоизацию, но конкретно постсоветской социологии надо решать две взаимоисключающих проблемы одновременно — «догоняющей автономизации» и налаживания новых форм интеграции в общество. Но сбалансированный ответ и ответ молодых не обязательно совпадают. То, что молодые социологи видят преимущественно одну сторону дела, причем скорее ту, которую естественно было видеть уже двадцать-тридцать лет назад, представляется мне тревожным симптомом. Неужели столь печально положение дел в постсоветской социологии?

Н. Е. Коносов

Санкт-Петербургский государственный университет

Г-н Главный редактор,

В № 2 вашего журнала за 2003 г. помещена заметка г-на Ледникова Е.Е. “О стиле ведения полемики г-ном Суровцевым В.А.” Выдержанный в оскорбительном тоне текст продолжает дискуссию, имевшую место на страницах журнала Вопросы философии (№7, 2000 г. и №12, 2001 г.), в которой был поставлен ряд принципиальных вопросов по поводу перевода на русский язык английской логико-философской терминологии.

Мне не понятно, почему г-н Ледников Е.Е. не решился опубликовать свой ответ в Вопросах философии, как это сделал я, но раз уж он появился в другом журнале, редколлегии, ради объективности, следовало бы поместить и тот текст, с которым так яростно, если не сказать злобно, полемизирует г-н Ледников. Я полагаю, что если мой текст был принят к печати таким солидным органом как Вопросы философии, то у редколлегии этого академического издания были на то веские причины.

Меня не удивляет стиль ведения дискуссии, принятый г-ном Ледниковым Е.Е., характерный для него менторский тон проявился уже в первой публикации, но, возможно, он удивит кого-то из читателей, особенно если учесть название заметки. Тем не менее, меня поражает характер и особенно тон аргументации, в которой выражения типа “интеллектуальный мошенник”, “врун”, “подлог” и т.д. образуют основную часть. Я всё-таки надеюсь, что подобного рода оскорбления не разделяются редакцией и были допущены к публикации по недосмотру.

В противном случае удивительным было бы то, что солидный журнал спутал научную дискуссию с базарными разборками. Остаётся надеяться, что дело не дойдёт до нецензурной брани.

Полемизировать с г-ном Ледниковым Е.Е. не имеет смысла, используемые им методы, а главное тон, выходят за рамки тех норм, которые приняты в научном сообществе.

Если же редколлегию действительно интересует сложный и неоднозначный вопрос о переводе терминологии современной аналитической философии на русский язык, предлагаю журналу организовать дискуссию, где речь шла бы не о разборках Ледникова и Суровцева, а о действительных проблемах сложной переводческой работы, и где применялись бы содержательно обоснованные аргументы, а не оскорбления. С удовольствием бы принял участие в подобной дискуссии, думаю, что к ней с интересом присоединились бы и многие другие.

*С уважением,
доктор философских наук,
профессор Томского государственного университета
Суровцев В.А.*

От редакции. Да, “...редколлегию действительно интересует сложный и неоднозначный вопрос о переводе терминологии современной аналитической философии на русский язык”. Мы с удовольствием организуем и поддержим соответствующую дискуссию и приглашаем к ней всех желающих. В одном из ближайших номеров мы познакомим читателей с ее результатами.